

ОТЗЫВ о представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 диссертационном сочинении

Костылевой Татьяны Владимировны

Текстология Еврипида: издание Гильберта Марри

В представленном на рассмотрение Ученого совета Филологического ф-та СПбГУ диссертационном сочинении *Татьяна Владимировна Костылева* (ниже Т. К.) посвящает свои усилия одному из самых известных по ходу 20-го столетия изданий Еврипида в знаменитой серии Oxford Classical Texts – трехтомному изданию пьес великого аттического трагика, изданному в 1902-1913 гг. британским ученым Гилбертом Марри (так, ориентируясь на англ. произношение, его называют уже в 1м томе Сабашниковского Еврипида (1916 г.), где участвовали И. Ф. Анненский и Ф. Ф. Зелинский. Передача иностранных имен через подобную транслитерацию в духе старинной русской традиции правомерна, но, пожалуй, чересчур архаична: Р. Бентли стоило бы тогда называть Бентлеем, Генриха Бульонского – Бульоном и т.п., хотя старинный Elmsley у автора выступает вполне современно как *Элмсли*, а не *Ельмслей*, например. Суть дела, впрочем, не в этом, а в том, что диссертант, сознавая фундаментальную для всякого филолога важность работы над изданием текстов, решил на одном из значительных эпизодов в истории европейских изданий Еврипида разобрать на хорошо продуманных примерах основополагающие вопросы и приемы текстологии и взглянуть в то, как преломляется личность текстолога в научном ремесле, имеющем дело с искусством слова.

Личность Гилберта Марри (1866 - 1957) примечательна, и неудивительно, что вокруг нее растет разнообразная литература. В самом деле, он и филолог, и переводчик (с перевода Еврипида в целом, он и начал еще молодым человеком), причем эта его работа имела успех в театрах, куда он приходил советником и экспертом; помимо этого Марри был эрудит с обширным кругозором, оригинальный ум и отличный писатель, а еще публицист и общественный деятель, участвовавший в образовании Лиги наций, а затем – ООН. Обобщая, надо признать, что Марри был один из значимых культурных деятелей XX столетия, а его судьба и богатая индивидуальность являют *гуманиста* в полном смысле слова. Поэтому решение автора диссертационного исследования выбрать именно труд Г. Марри над изданием Еврипида для того, чтобы погрузиться в технику и смысл издания античных текстов в XIX – XX в., оправдано и с точки зрения филолога-классика, и в перспективе англиста: перед Т.К. стояла сложная задача из всеобщей истории культуры.

Скажем коротко о *структуре* исследования и о его внутреннем единстве, несмотря на пестроту разбираемого материала. После дельного Введения следует глава 1,

посвященная Г. Марри и трем томам Еврипида, изданным, а затем появлявшимся в улучшенных изданиях в той же серии ОСТ, при участии двух старших коллег Марри – непревзойденного филолога-энциклопедиста У. Виламовица и гротескно-реалистичного Артура В. Верролла, ключ к творческому методу которого дает сообщенное автором диссертации золотое изречение: «Se non e vero, e Verrall». Истории трудоемкого и не без осложнений продвигавшегося издания Марри посвящены с. 13 – 28 разбираемой работы. В главе 2й (она же и основная во всей работе) диссертант предлагает разбор текстологически занимательных мест из Еврипидовой «Медеи» (с.29 – 114). Гл. 3 предлагает три текстологические, а точнее - критико-экзегетические этюда к пассажам из других еврипидовых пьес – «Электры», «Алкестида» и «Геракла» (с. 115 - 130). После Заключения (с. 131 - 133), в котором подводятся итоги наблюдений, соображений и идей автора, следует необходимый Список сокращений и обширная библиография (с. 136 – 155: №№ 1-226) - многоязычная, безупречно представленная и, как может убедиться всякий читатель работы Т. К., постоянно используемая ею по ходу рассуждений.

По *содержанию*, Введение и 1ая глава посвящены, по преимуществу, истории классической филологии в Великобритании и, шире, в Европе; главы 2ая и 3я, не отказываясь от этой стороны дела напрочь, заняты прежде всего самим текстом Еврипида. Это как раз центральная для филологов-классиков задача – и не удивительно, что именно здесь накопилось больше всего споров, мнений, предложений и исправлений, соображений и параллелей. И вот читатель видит, что диссертанту критико-экзегетическая ситуация вокруг каждого избранного им пассажа не скучна и не мучительна из-за неизбывных сомнений в тексте, а напротив - необыкновенно интересна, отчасти и по этой причине. Автор делает самостоятельный научный вклад в толкование целого ряда издавна признаваемых спорными пассажей, и понятно, что успех этого вклада бывает различен.

(1) Нередко диссертанту приходится удовлетвориться осознанием сложившегося положения и как можно более четким его описанием; в таких случаях хорошо, если удастся наметить хоть какие-либо перспективные соображения ради возможного продвижения по существу дела.

(2) Иногда – как представляется рецензенту – Т. К. удается не только прояснить какой-нибудь застарелый вопрос, но и предложить его решение благодаря убедительной, умеренно консервативной установке: в случае затруднения не искать замену традиции новым чтением, а обновлять способ истолкования: затруднение не конец экзегезы, а ее начало. Иногда это случается не только из-за силы нового предложения, но и благодаря

убедительному опровержению прежних. Приведем образчики того, как эти возможности осуществляются в диссертации.

(1) Любопытный этюд посвящен автором диссертационного сочинения первой строке еврипидовой *Электры*: Ὡ γῆς παλαιὸν Ἄργος, Ἰνάχου ροαί. Это locus vexatissimus – из поправок, сделанных только к этому стиху, в особенности - двух дюжин предлагавшихся вместо ΑΡΓΟΣ слов, можно, как сознает диссертант, сформировать десятки различных вариантов истолкования этой строки, которые приходится один за другим отвергать, всякий раз выявляя подходящее основание для этого непризнания. Так, отлично отвечено на предложение читать γάνος взамен рукописного Ἄργος (точнее ΑΡΓΟΣ): слово хоть и обозначает ‘блеск, сиянье’, и вообще некую ‘красу’, но это обычно блеск *влаги*, что, по Т.К., неожиданно в соседстве с γῆς. Это хорошо показано на подборке из ряда античных авторов, однако аргумент амбивалентен, так как отнесение γάνος к последующему Ἰνάχου ροαί (т. е. «струи Инаха») давало бы, пожалуй, оттенок, близкий к тому, о котором говорит автор диссертационной работы. Далее: автор понимает решительную важность параллели в Soph. El. v.5sq., где тоже есть παλαιὸν Ἄργος, а в следующем стихе Ἰνάχου в том же падеже и на том самом месте, что и в разбираемом стихе Еврипида: каково бы ни было хронологическое соотношение между *Электрами* Софокла и Еврипида, названные стихи в них обеих безусловно между собой связаны.

Можно понимать ἄργος у Еврипида как апеллатив, к чему подталкивает и манера подачи имен собственных в рукописи L., так что диссертант, присоединяется в этом отношении - по-моему, правильно - к ряду исследователей; кроме того, апеллатив мог бы ловко готовить этимологизацию имени города Аргос: в экспозициях пьес Еврипида встречаются этиологические мотивы этого рода; кроме того, приводить прямо название города в ст. 1 перед тем, как он прямо назван в ст.6, вряд ли отвечало бы обыкновенному у Еврипида литературно-деловому стилю в *экономии* экспозиции. – Напротив, предложение Марри видеть в ἄργος некое сущ. от ἄρδω в смысле ‘омытие, омовение’, как говорит в аппарате он сам (‘suspicor’), это значит, отбросив принципы словообразования, допускать, чтобы слово, которого нет, значило то, чего оно не могло значить (от ученика Верролла можно было ждать и худшего, но это уж другое дело). Поскольку у лексемы ἄργος не видно и значения «быстрина, стремнина», но можно усмотреть нечто вроде «равнина, долина», то в применении к «струям Инаха» это бы смотрелось неплохо: если род. п. γῆς при топониме Ἄργος воспринимается как помеха, то при отнесении к последующему Ἰνάχου ροαί это можно себе представить. При отстаивании традиции по этой линии к

которой, к чему, как будто бы, и склоняется диссертант, вполне допустима, кстати, некоторая натяжка, потому что, готовя этимологизацию имени *Αργος*, которое появляется в ст.б с дейктическим τόδε, уместно было будто невзначай привести слово, которое послужит опорой для этого интеллектуального акта.

Иначе говоря, в трудном случае с начальными стихами *Электры* Еврипида автор намечает правильные пути, по которым надо прокладывать себе и другим путь далее. Поставить в вину автору отсутствие конечного решения в таком пассаже было бы несправедливо - столетия не только обогащают исследование, но и сильно осложняют вопрос. Тем более необходимо использовать любые возможности, чтобы отрезать много ненужного и находить новые комбинации среди изобилия уже выдвигавшихся идей. Автор идет в правильном направлении, но и ему не повредит проводить линии еще резче среди этого *embarras de richesses*. Переходя к примерам еще более успешных толкований диссертанта, остановимся на двух случаях, относящихся к этой категории.

(2a) По нашему мнению, сюда надо отнести анализ *Med.* 108 – 110 (с. 42 - 45), где *Herwerden* меняет *μεγαλόπλαγχος* на *μελανόσπλαγχος*. Некоторых филологов увлекла такая замена: таковы ван Лой и Джон Диггл в послемарриевском издании Еврипида в ОСТ, между тем как Марри, видно, колебался - Т. К. дает тонкий анализ слов ‘*blind with wrong*’ в переводе Марри, которые на ее взгляд выдают, что поправка *μελανόσπλαγχος* произвела на него впечатление. Между тем Виламовиц написал ему в своих замечаниях: *Herw. besser fort*. В англ. статье из *Philologia classica* 2016г. автор разобралась со смыслом этого высказывания Виламовица. В отличие от Диггла (1994) она поняла, что мыслимо, но нескладно делать это замечание макароническим (как “*besser fort<asse>*”), что давало бы неожиданное одобрение голландскому любителю конъектур со стороны текстологически довольно консервативного Виламовица; понимать слова последнего по Т. К. лучше на одном языке, именно на немецком (*besser fort*) в смысле «прочь! долой!» (ср. параллель из Виламовица же на с. 39). – Можно порадоваться вниманию и независимости диссертанта в связи с этим, хотя в другом месте (с. 35), толкуя очень трудный почерк Виламовица, она читает не столь удачно: ... *Notiz fordert der Leser*, а надо, скорее всего, так: *Notiz fördert den Leser*.

Но вернемся от неудачи Диггла к принятой им в новый оксфордский текст Еврипида конъектуре Гервердена. По наличию свидетельств у рукописного *μεγαλόπλαγχος* дело обстоит как раз лучше, однако признаем, что и композит с *μελανο-* вообще говоря, правдоподобен. Важнее смысл и атмосфера как того, так и другого при внимательном сопоставлении. Использование первого в медицине ничуть не

препятствует тому, чтобы *μεγαλόσπλαγχνος* стало в ряд с психологическими характеристиками у слов, начинающихся с *μεγαλο-*. Почему же оно настолько не понравилось Гервердену и его последователям? Думается, что тут проявился христианский синдром: сила и естественность чувств заподозрены, они грубы и не годятся для высокого и даже человеческого (ср. *εὐσπλαγχνία* архаическая, с оружием в руках, и та же лексема для обозначения христианского 'благоутробия', оно же 'милосердие'). Между тем для Медеи и для Еврипида эти *μεγαλο-*чувства может быть и нуждаются в том, чтобы не быть безмерными, но в целом они ничуть не презренны. Кстати, стоящее в том же стихе *δυσκατάπαυστος* лучше, пожалуй, монтируется с величиной, чем с цветом. В этой ситуации на поправке *μελανόσπλαγχνος* можно и не задерживаться. Как видим, диссертант выбрала независимо и позаботилась его обосновать.

(26) Джон Диггл, получает отпор Т. К. и в отношении своей собственной, широким жестом принятой в текст Еврипида, конъектуры к словам хора в *Alc.* 218: замены *δῆλα* на *δεινά*. Пересказав ход действия, предшествующего разбираемому пассажиру, диссертант излагает спорные стихи своими словами (не без принятой в этом жанре критической злокозненности). «Да ясно же, ясно {беда неминуема}, так помолимся же богам», Диггл заменил на «Ужас - ужас! так помолимся же богам». Диссертанту остается после этого прийти к *убедительному* выводу о том, что исправлять *δῆλα* на *δεινά* означает портить не просто удовлетворительный, но прямо отличный текст. Ведь впервые осознать беду – обычно это случается про себя - драматичнее, чем предаваться громким сетованиям. Что касается Диггла, то он достоин, на этот раз, сочувствия; «конъектуральный» зуд (*prurigo coniciendi*) – вещь сама по себе болезненная, и нелепо самообольщение, понуждающее филолога придирается к тексту великого автора, не умея критически взглянуть на свои домыслы от лица поэта. Приговор диссертанта строг, но справедлив: *банализация* – вот чего достиг новейший издатель ОСТ своей поправкой: Аполлон отнюдь не требовал филолога к священной жертве, а тот и незванный, и неведомо с чего ринулся на Парнас. . .

Если посмотрим теперь на идейную сторону сочинения Т. К., то надо признать, что в подходе ее сочетаются прямая филология с историей филологии и другими формами, относимыми обычно к рецепции: переводы различного назначения; подходы, определяемые стилем эпохи и т. п. Это как раз девиз автора, его тема и увлечение. И это хорошо не только для того, чтобы погрузиться в эту когда-то отчаянно соревновательную область. Автор *одновременно* вникал в Еврипида и оценивал выдающегося британского филолога Г. Марри, отношение к которому колебалось у

англичан от неумеренного восторга до совершенного непризнания как раз в сфере эдиционного мастерства. Нам кажется, что автор занял вдумчивую и умеренную позицию. Действительно, переводы Марри с их стремлением к сценичности и продуманностью театральной стороны дела звучат увлекательно, что отличает его едва ли не от всех «конъектурщиков» предшествующих поколений. Марри не был бедой ни для себя, ни для выдающейся серии, заказавшей ему Еврипида: автор показывает, до каких высот филологической совести и критического благоразумия поднималось сознание этих издателей (с. 14). Даже если у Марри не было призвания филолога-издателя, но перевод всего Еврипида, который уводил его, скажем, от коляции списков, в чем-то готовил его к задаче издания – ведь в разгаре критико-эзегетической работы заниматься воспитанием чувств уже поздно; и наоборот, для текстолога не пройдет даром каждый прочувствованный нервами стих, всякая пауза; переживание драматургии Еврипида благодаря опыту театральных постановок в переводе Марри был полезен не только гуманисту и обществу, но и текстологу (подчеркнутая им *ἔνοσις* в конце *Троянок*, грозное сотрясение в конце пьесы – яркий сценический момент, напоминающий *knocking at the gate* в *Макбете*). В сугубо текстологической работе над полным изданием Еврипида иногда мучительно для Марри, но по-своему удачно сложилось сочетание двух «авторитетов»: Верролла и Виламовица; несмотря на свой успех в жизни и ранний престиж Марри сумел поставить себя на место ученика, прислушивающегося сразу к этим двум ярким личностям, часто толкавшим его в противоположные стороны, при том что просвещенно-консервативная воля издательства удерживала его, по счастью, при осмотрительном отношении к традиции.

Выдвигаемые автором положения и выводы относятся, в соответствии со сказанным выше, и к древнему автору, и к изучавшим его филологам (ср. с. 11 и 131 - 133), притом не только персонально-точечно, но и в целом, в форме школ и направлений. Наряду с увлечением сугубо филологической работой видны достижения диссертанта и в том, и в другом, притом как порознь, так и вместе. Рассмотрение диссертанта подтверждает значимость биографического аспекта и для филологов, которым не стоит быть ни надменными, ни приниженными перед кем бы то ни было, включая, пожалуй, и авторов. Ведь не только память, но и вся личность филолога выступает в роли необходимого инструмента, особенности которого надобно знать, давая и воспринимая поступающие через его посредство данные. Иначе говоря, необходимо признать, что для опубликованных работ Т. К. характерна приверженность к изучению древних греческих текстов, а наряду с этим – признание важности понимания новой и новейшей европейской

гуманистической традиции, часть которой – история науки; продвижение вперед без этого сочетания вообще вряд ли возможно.

Стиль самого автора правильный и вместе живой. Видно владение языками, хотя цитировать филологов пространно можно, пожалуй, и меньше (*variogum editio* – другое дело), прибегая к этому в особенно трудно передаваемых пассажах или оригинальных выражениях - важнее резюмировать предельно четко и по возможности кратко суть аргументации. Видно, например, что остроумие Диггла насчет «великой» печени в контексте гепатомегалии (с. 43) не помогло ему хорошо разобраться с *Med. 109*.

Автореферат близко и точно отражает положения и выводы, сделанные в рамках диссертационного сочинения. Статьи автора диссертации, иногда иноязычные, написаны не только на английском языке, но и в английской манере, в духе той самой традиции, пониманию которой посвящена диссертация – сужу по тому, как это приятно читается. Работы Т. К. остроумны по существу и часто блестящи по форме; опубликованы они в солидных журналах, где редакции не просто передают материал под печатный станок, но и вникают в публикуемую работу.

Учитывая сказанное выше, необходимо признать, что работа Т. В. Костылевой безусловно заслуживает получения ею искомой степени кандидата филологических наук; более того, эта работа дает основания для уверенности в том, что автор работы в дальнейшем станет одним из знатоков и надежных толкователей античного театра будь то для международной, будь то для русской филологической аудитории.

д.и. н., г. н. с. Санкт-Петербургского Института истории РАН
Гаврилов А.К.

08.05.2018

Александр Константинович Гаврилов

Специальность: 07 00 09

Тел. (812) 235 42 67

E-mail: a.k.gavrilov@mail.ru

А. К. Гаврилов
История и этнология
Института истории РАН
08.05.2018